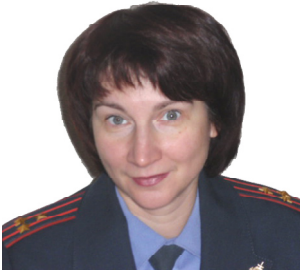

УДК 340.1

Наталья Владимировна МАСЛОДУДОВА,

доцент кафедры социально-экономических наук
и информатики Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат философских наук, доцент

**К ВОПРОСУ О НАИЛУЧШЕЙ ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ:
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
И СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ**

**TO THE ISSUE ON THE BEST FORM OF GOVERNMENT:
HISTORICAL AND POLITICAL SCIENCE ANALYSIS
AND MODERN VIEW OF A PROBLEM**

В статье идет рассуждение о наилучшей форме правления со ссылкой на авторов Древнего мира, Средних веков, Нового и Новейшего времени. Отмечаются проблемы восприятия западного образца демократии, в пользу которого россияне сделали выбор в 1993 г., проголосовав за новую Конституцию. Ставится вопрос о судьбе демократии в современной России.

The article presents argumentation on the best forms of government with the reference to the authors of the Ancient World, Middle Ages, New and Contemporary Times. The author points out the problems of perception of the western-style democracy which the Russians chose in 1993 when they voted for the new Constitution. The issue of the fate of democracy in modern Russia is also raised.

Ключевые слова: наилучшая форма правления, политическая монархия, королевская монархия, тирания, демократия, свобода, выборы, власть.

Keywords: the best form of government, political monarchy, the royal monarchy, tyranny, democracy, freedom, elections, government.

Проблема наилучшей формы правления является одной из самых обсуждаемых в истории политической мысли. Обозначенная еще в Древнем мире, она до сегодняшнего дня не теряет актуальности. Людям свойственно стремиться к лучшему устройству своей жизни, но, стремясь к этому, они не могут не думать о государственном устройстве в целом, так как последнее во многом определяет первое. Во все времена главной целью государства было и остается достижение «общего блага». Вопрос заключается лишь в том, что понимать под «общим благом» и с помощью какой формы правления можно его обеспечить. Вечный спор ведется вокруг трех основных форм: монархии,

аристократии и демократии. Три другие – тирания, олигархия и анархия – либо называются неправильными, либо вообще не считаются формами государства.

Идеальные государства Платона и Аристотеля – смешанные формы, основанные на использовании рабского труда, без которого не представлялось достижение «общего блага» для граждан. Демократию в чистом виде они считали одной из неправильных форм правления, так как она способна привести к анархии, а затем и к тирании. «Демократия... осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении го-

сударственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию»¹. При демократии «...власть сосредоточена ...в руках неимущих»².

Цицерон, выделяя простые формы правления – царскую власть (монархию), власть оптиматов (аристократию) и народную власть (демократию), называл их несовершенными, потому что в силу присущей им односторонности они легко вырождаются. Царская власть, чреватая произволом единовластного правителя, легко вырождается в тиранию, а власть оптиматов из власти наилучших (по мудрости и доблести) превращается в господство клики богатых и знатных. Полновластие народа также приводит к пагубным последствиям, к «безумию и произволу толпы», к ее тиранической власти. Эти переродившиеся виды властвования уже не являются формами государства, поскольку в них отсутствует само государство, понимаемое как общее дело и достояние народа, отсутствуют общие интересы и общеобязательное для всех право. Преодолеть такое вырождение государственности можно лишь в условиях наилучшего (смешанного) вида государственного устройства, образуемого путем равномерного смешения положительных свойств трех простых форм правления. Путь к смешанной форме Цицерон видел в эволюции римской государственности от первоначальной царской власти к сенатской республике. Причем аналогию царской власти он видел в полномочиях магистратов (консулов), власти оптиматов – в полномочиях сената, народной власти – в полномочиях народных собраний и народных трибунов. Подчеркивая опасность крена в сторону того или иного начала смешанной государственности и выступая за их взаимное равновесие, он подчеркивал необходимость «равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий – с тем, чтобы достаточно власти было у магистратов, достаточно влияния у совета первенствующих людей и достаточно свободы у народа»³.

Ф. Аквинский, учение которого определило весь ход средневековой политической мысли, считал, что сохранение феодально-сословной иерархии, привилегированного положения обеспеченных властью лиц и богачей, исключение из сферы политики земледельцев, мелких ремесленников и торговцев, а также соблюдение всеми предписанного Богом долга повиноваться высшему сословию есть необходимое условие для достижения указанной выше, а обеспечить это можно в рамках «политической монархии», где весомую роль играют крупные феодалы, а власть государя зависит от закона и не выходит за его рамки.⁴ «Королевскую монархию» как наилучшую форму правления отстаивал Ж. Боден. В ней суверенитет принадлежит монарху, а управление имеет аристократический и демократический характер, проявляющийся через практику назначения должностных лиц. Современник Ж. Бодена Э. Ла Боэси выступал с яростной критикой монархии, считая ее антиобщественной и антигуманной, но вместе с тем отмечал, что миллионы людей вследствие трусости и страха сами отказываются от своей свободы, становясь невольниками государей. Н. Макиавелли, рассуждая о формах правления, высказывал симпатии тем единолично управляемым государствам, где государь правит в окружении слуг, которые милостью и соизволением его поставлены на высшие должности, помогают ему управлять государством. Основоположник социалистической идеи Т. Мор считал, что «Утопия» как идеальное государство может существовать только при условиях обязательной трудовой повинности, наличия рабов и ограничения потребностей граждан.

В Новое время многие мыслители стали связывать цель государства с обеспечением свободы для граждан. Б. Спиноза одним из первых доказывал преимущество демократического устройства, отмечая, что оно «наиболее естественно и наиболее приближается к свободе, которую природа представляет каждому», так как разумность законов в демократии обусловлена

тем, что они принимаются многочисленным собранием, в котором взаимополагаются противоречивые страсти.⁵ Люди, создавая государство, добровольно во имя самосохранения отказываются от части своей естественной свободы и своих естественных прав. Следовательно, в любой форме правления есть прежде всего ограничение свободы, а преимущество демократии заключается в том, что с этим вынужденным ограничением согласилось большинство.

Французские мыслители эпохи Просвещения обосновывали тезис о том, что нет и не может быть какой-то одной идеальной формы для всех народов. Каждой форме правления, как отмечал Ш.Л. Монтескье, соответствует тот или иной «дух народа», формирующийся под влиянием климата и территории. Влияние территории на форму правления подчеркивал и русский исследователь В.Н. Татищев. Наличие той или иной формы правления он ставил в зависимость от размеров территории страны и степени обеспечения ее внешней безопасности. «Малые» народы и народы, не подвергающиеся нападениям, вполне могут управляться демократически; «великие и находящиеся в безопасном положении могут установить у себя аристократическое правление»; «великие же и от соседей небезопасные государства без самовластного государя в целостности сохраниться не могут»⁶. Понятно, что при таком подходе для России не может быть спасения вне монархии.

Ж.-Ж. Руссо, отмечая в общем виде, что «демократическое правление наиболее пригодно для малых государств, аристократическое – для средних, а монархическое – для больших», попытался подойти к обозначенной проблеме еще более рационально. Он указал на то, что вопрос о наилучшем правлении в общей форме является неразрешимым в силу его неопределенности. «...Во все времена много спорили о том, которая форма правления наилучшая, – того не принимая во внимание, что каждая из них наилучшая в одних и худшая в прочих». Правильнее

ставить вопрос о признаке, по которому можно узнать, хорошо или дурно управляется народ. В качестве такого признака Ж.-Ж. Руссо предлагает считать численность населения и ее рост только за счет естественного размножения, без предоставления гражданства иностранцам. Этот критерий вытекает, по мнению мыслителя, из цели политической ассоциации, которая определяется как «бережение и благоденствие ее членов»⁷.

Для американских мыслителей Т. Пейна и Т. Джефферсона лучшей формой правления бесспорно была демократия. «Именно та форма правления является наилучшей, которая лучше всего обеспечивает чистый отбор... естественных, природных аристократов для занятия правительственных должностей...». Причем лучшее средство здесь – представление гражданам права на свободные выборы и на отделение естественных аристократов от псевдоаристократов. Дело в том, что народные массы в целом «избирают действительно хороших и мудрых людей. В некоторых случаях богатство может подкупить, а происхождение – ослепить их, но все это не в такой мере, чтобы угрожать обществу»⁸. Демократия как символ свободы и независимости могла дать возможность каждому индивиду воплощать в жизнь свою «американскую мечту». США, не знавшие до этого никакой другой формы правления, подарили миру надежду на торжество свободы и стали для всех народов символом страны возможностей.

В 1917 г. пришедшие к власти в России большевики предложили свое видение наилучшей формы правления. Одни считали ее подлинным воплощением народовластия, другие называли деспотией. Известный философ XX в. И.А. Ильин в работе «Наши задачи. Историческая судьба и будущее России», рассуждая о том, что государственная форма должна считаться с климатом и с природой страны и поэтому каждому народу причитается своя, особая, индивидуальная государственная форма, высказал сомнение о том, что «социализм» способен обеспечить «социаль-

ность», то есть бережное отношение к человеческой личности, к ее достоинству и к ее свободе.⁹ Просуществовав более семидесяти лет, социализм в нашей стране все-таки рухнул.

В 1993 г., проголосовав за новую Конституцию, россияне сделали свой выбор в пользу западной демократии. Произошел демонтаж старых политических институтов и замена их западными образцами. На российской почве стали настойчиво прививаться либеральные ценности, но процесс ресоциализации, без которого не возможен переход к демократии, не завершился до сих пор. Ценности западноевропейских идеологий быстро перетолковывались в России на своеобразно прагматический лад: индивидуализм превращался в безудержный эгоизм, свобода – в своеволие и безответственность, конкуренция – в абсолютное право сильного и т.п. Почти десять лет страну бросало из стороны в сторону, порой казалось, что правление как таковое вообще отсутствует. Об «общем благе» уже мало кто говорил, люди, видя как растет «благо немногих», пытались выжить кто как мог. Численность населения резко упала, смертность превысила рождаемость. Если учитывать критерий Ж.-Ж. Руссо, то понятно, что государство управлялось дурно. С 2001 г. все стали замечать усиление централизации власти. Появились мнения о том, что нам не нужны образцы западной демократии, мы будем строить свою, особенную «суверенную» демократию. Концепция «демократического транзита» потеряла актуальность. Сегодня, по данным исследования Левада-центра, лишь 16% россиян считают европейскую демократию примером для подражания. А число ностальгирующих по временам Брежнев и Андропова растет с каждым годом и достигает уже 35%. Что это? Усталость от свободы? А знаем ли мы, что такое свобода? В российской действительности не получило развитие представление о свободе как возможности выбора, основанного на изначальном признании какого-то ограничения. Мы столкнулись с

«дикой» свободой, понимаемой как вседозволенность. Неудивительно, что такая свобода многих напугала, так как она ведет к анархии. Страх толкает людей к тому, что они начинают отказываться от свободы. Именно в этом Э. Ла Боэси еще в XVI в. видел суть тирании. Разгул преступности, коррумпированность чиновников, платное образование и платная медицина при фактической недоступности первого и неэффективности второй в условиях бесплатности, постоянный рост цен, угроза возможности повторения дефолта 1998 г., беспредел в армии, рост налогов, износ оборудования, частые катастрофы и многое, многое другое – все это порождает убежденность в отсутствии сильной руки, способной навести порядок в стране. Удивительно то, что даже молодые люди, которые не жили в условиях тоталитаризма и авторитаризма, тоже считают демократию неприемлемой формой правления для России. Вероятно, убежденность, что «барин придет и во всем разберется», так надежно укрепились в нашем общественном сознании, что транслируется из поколения в поколение. «Абсолютные монархии..., – писал Т. Пейн, имеют то преимущество, что они просты. Если люди страдают, они знают, кто источник их страданий...»¹⁰. В демократии найти виновного сложнее. Здесь надо начинать спрашивать с самого себя. Может быть, именно это нам и не нравится? Человечество веками боролось за право своего голоса, а мы, не веря в возможность честных выборов, отказываемся избирать власть, чтобы потом иметь возможность сказать: «Я не выбирал это правительство и поэтому не несу ответственности за его дела». Политическая элита, опираясь на наше безразличие, начинает воспроизводиться только за счет своего внутреннего ресурса, превращаясь в касту, которая все больше отдаляется от народа. Идея отменить барьер явки, для того чтобы выборы считались состоявшимися, не возникла сама по себе, из ничего. Надо признать, что мы сами, своими действиями подготовили такое изменение.

Начиная с 1995 г. власть констатировала монотонное падение явки на думские выборы. В 2003 г. она сократилась практически на шесть пунктов, составив всего 55,75%. Региональные выборы последующих лет демонстрировали еще более низкий показатель. Что оставалось делать правительству? Ну не проводить же выборы по нескольку раз, тратя на это бюджетные деньги, которых и так недостаточно для проведения необходимых социальных программ. А усиление партии власти, разве это не является нашей заслугой? По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), осенью 2000 г. 54% опрошенных считали, что «межпартийная борьба мешает власти эффективно работать». После победы «Единой России» на выборах в 2003 г. и в 2007 г. стало понятно, что разделение между законодательной и исполнительной властью в России становится условным. С другой стороны, относительная стабильность жизни, установившаяся в последние годы, как-то отодвинула этот факт слияния власти на задний план, а накануне выборов президента в 2008 г. даже породила новый страх: «а вдруг власть поменяется, и жить станет еще хуже».

Может быть, дело действительно в нашей огромной территории, которой может управлять только сильная централизованная власть? Суровый климат большинства регионов, их отдаленность друг от друга требуют больших энергетических и транспортных затрат. Для развития производства нужны крупные капиталовложения. Возможно, именно это не позволяет развиваться мелкому бизнесу, составляющему основу демократического общества. Сегодня, так же как и в начале прошлого века, капитализм в России имеет возможность развиваться только как монополистический, а в таком виде он мало кого устраивает. Государственный монополистический капитализм, существовавший в условиях социализма и позволяющий вкладывать средства в развитие производство, а также единая централизованная власть, обеспечивающая справедливую,

относительно сегодняшней, систему распределения продукции, кажутся действительно более привлекательными. Но не надо забывать, что это система распределения была крайне недостаточной для удовлетворения потребностей населения, а призывать сегодня, подобно Т. Морю, к ограничению потребностей просто бесполезно. Мы не можем отрицать, что именно европейская политическая система при всех ее издержках обеспечила широким слоям населения самый высокий уровень жизни, самые высокие социальные гарантии, самый прямой доступ к образованию и культуре. Продолжительность жизни на Западе на 15–20 лет выше, чем в России, пенсия составляет 40–60% от заработка в противовес нашим 26%, цены на одежду и бытовую технику значительно ниже и т.д. Видя за границей счастливо отдыхающих немецких и французских пенсионеров, невольно вспоминаешь ветеранов Великой Отечественной войны, которым наше правительство продолжает обещать квартиры и машины. Число желающих жить за границей не уменьшается, а с каждым годом увеличивается, а значит, демократическая форма правления в целом не перестала быть привлекательной. Конечно, демократию нельзя рассматривать как венец политической истории человечества, она нуждается в дальнейшем развитии. Сегодня уже предпринимаются попытки переосмыслить концепт демократии, сложившийся в XIX–XX вв. Примером этого может служить концепция феноменологического транзита системы государственной власти в России, выдвинутая А.В. Дахиным. Крупной проблемой феноменологического транзита А.В. Дахин называет недостаточную технологическую грамотность российской бюрократии, которая чревата «поворотом вспять или движением по кругу». По его мнению, практика введения в действие многих принимаемых законов показала, что «технологическая грамотность нынешней системы власти не отвечает уровню задач, которые она пытается решать»¹¹. Технологические просчеты в ходе реализации

системных законов, по сути, сводят на нет их позитивный потенциал, вследствие этого резко возрастает сопротивление социальной среды и власть начинает, образно говоря, давить на тормоза: вносить поправки в только что изданные законы, ставить вопрос о переносе сроков введения их в действие и т.п. В связи с этим хотелось бы сказать, что нам не следует ругать демократию и искать спасение в усилении власти. Нам необходимо планомерно идти по пути совершенствования демократических институтов, и прежде всего выборной системы, позволяющей расширять социальный круг политической элиты, развивать гражданское общество, формировать действующую оппозицию власти, создавая условия для реализации принципа разделения властей. Как писал Т. Джефферсон, «...мы сможем уменьшить опасность продажи и покупки голосов при выборах, сделав число голосующих слишком великим для любой попытки подкупа»¹². Борьба с издержками демократии можно только путем еще большего ее расширения. Другого пути нет. Демократия не проста и не совершенна, она нуждается в постоянной защите. И все-таки отказываться от нее в современном мире нельзя.

1 Платон. Государство // Мухаев Р.Т. Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М., 2000. С.47.

2 Аристотель. Политика // Там же. С. 59.

3 См.: Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966.

4 См.: Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–VII вв. Л., 1990.

5 См.: Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Избранные произведения : в 2 т. М., 1957. Т. 2.

6 См.: Татишев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.

7 См.: Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969.

8 См.: Джефферсон Т. О демократии. СПб., 1992.

9 См.: Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. М., 1992. Т. 1.

10 Пейн Т. Здравый смысл // Мухаев Р.Т. Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. С. 236.

11 См.: Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. №3. 2006.

12 См.: Джефферсон Т. Указ. соч.